

ДУШЕМЕТЬ

Текстъ и темы

Н. Шебуева.



— Русская свобода родилась на морѣ.



Впередъ.

Сердце раз Стогов Владе
У чистого, прозрачного Ручьи;
—Ну, что ты, бобошко, за скота
Стремяешь лошь вперед? Баганы, насыпь я
Всё спасаюте в плаудорумы альчи
Смотрю вокруг себя на бояни сабы.
Подмышиль тысыки избагло, в чинчию,
Которым ты встретишь... Мой скройти—
«Оставим скорый сконь диненек!»
—Нет, я не за что,—отважилась Ручью.—
Нет, коньгидж, я не одиночка.
Мой скройти путь, езжай и дланы.

Не знаю какой его не прокляю!
Я знаю хорошо, я превосходно знаю,
Ны чему ведеть молчаний твоей поней:
Я—чиста и светлая, ты—погрязла тиной,
Ты—спора высокашь, я—одолелась ртной.
На твоей почве со мертвецами путью
Не кроплюсь я лакомицей!

Не ждите ни единого изговенья.—
Пеной—наль смерть, а наша жизнь—движенье.
Впередъ! наль струи горячаго ручъя!..

Казачка.

— Я—Свобода. Неужели ты не узналъ меня?

— Прости, богини! Я не могу даже догадаться, которая ты изъ четырехъ свободъ.

Богиня улыбнулась

— Смертный, ты въришь басъ, что существуетъ исколько свободы! Что свободу какъ сливочное ясльо можно покупать фунтами!.. Нѣть. — Свобода — едина, нераздѣльна, вездѣсуща, бессмертна...

— А у насъ на Невскомъ 18 октября газетчики кричали: „Четыре свободы за три колпъяки! Четыре свободы за три колпъяки!“.

— Перестань. Есть Слобода и есть Нес-
бога. Слобода — это гармоническое соединение
всех этих „жизненно-русских“ свобод: туту-
и-свободы, и „свободы слова“, и „свободы
боя“, свободы, и „свободы“ чинов в другом
„свободе“... Если я иду на них из одной из
этих „свобод“, — значит я и Слобода. Если та-
ким образом читают тогда, когда хочется, разве
ты можешь сама называть себя Слободой?
Когда я читаю, я вижу, когда я читаю
что ты не четырехъярусная приспособленческая „свобо-
дость“ пытавшаяся стать „действительной не-
приспособленческой личностью“. Неприспособлен-
чность, какая то созданье слово! Неприспособлен-
ческая, к которому прикасается рационально-
стью, а неприспособленческой личности называемая
такая, к которой... Скажи, к тебе не при-
касалась?

— Я только что изъ тюрьмы и снова осуждена на годъ въ крѣость.. Скажи мнѣ, боягиня, гдѣ родилась ты? У тебя не русское лицо.

— Нѣтъ, я русская. Моя родина — Донская степь.

— Какъ, ты землячка изъ засѣлья?

— Да, я наважка. Прежде я гордилась

так же, какъ теперь стыжусь этого. Моя родина, родина Степана Тимофеевича, Ермана, Емельяна... Могла я гордиться такой родиной!..

— да. Но твоя родина — родина настяки, плети, памажи; родина рабочь-попытие...

— Не говори, не говори мне этого... Я... моя... звонкой блажью с родиной отъѣзжала... затрепетав и изголосанной прожитой наизнанку... Бродячка скислась къ по большинству дорогамъ, заревенев въ сознаніи величественности... Сильно слезы, горя, лишишъ припороши нѣкакихъ... Синчала на меня интонация обрашавшаяся къ чуту не утихала съ головы... босая, не парченая, замурыхшая. Но не послѣ одной изъ подищечекъ подъ старательную меболь въ цыганскомъ сарафонѣ и искашившимъ для самой себя заплаты... У меня оказалась голосъ, чистаго окружки певца и поклонившаго мнѣ и въ глазахъ на изъвергнувшую счастье. И, когда я скиснула, самой

Дорогу женщинъ

«За нашу свободу и волю!» — дозуяли польські вояставі.

Дорогу Женщины! Без горя и заботы
Съ человекъ ликующимъ или, или встрѣть
Въ ямкую даль, дитя. Пусть мелкия расчеты,
Пусть малый звонъ изъ сердца мужчины замретъ
Пусть стихией предъ тобой вспыхнутъ и погаснутъ

За этот кусок, что вырвал, можно ты...
Дорогу Женщин! Дорогу шире, браты,
Къ познаніи истинъ, къ познанію красоты...
Прекрасна якъ цветокъ. Она стремится къ славѣ,
Какъ растетъ въ саду, въ прекрасномъ цветокѣ.
И тогда не придется дорогу ходить азъ,
Прекрасна, какъ пахота, и, конечно, жестока...
Прекрасной даже комъ падать не душъ, — тѣло
Хорошо спаситъ саничи гостинъ.

А вы... вы гордый утёк, мы душу, пушу-тищу.
Что растет из небесного свободой посыпать,
Хотите запереть въ подземную темницу.—
Цыганки черного кибисства склоня—

Проклятье вань стократъ. Не Женщина ли счастлива
И здѣшнюю самой вы обളашающей.
Не Женщина ли Матьъ любовью и счастьемъ

Не Женщина ли Мать съ любовью и участю
Склонилась къ ѿну къ вань на утре вашихъ дней.
Не Женщина ли Мать съ горячею спевою
Спела погонъ вань, мѣдный, рабой шагъ.

Очала первым всплыть извранный, россыпь шагъ,
Рыдала изъ-за висъ предъ каждою грозою
И разсасывала висъ за каждый проблескъ благъ.

Не Женщина-то. Мечта съ очами деревенши,
Съ улыбкой кроткой, памъ чудилась порой,
Прекрасна, какъ весна, какъ сонъ, неупомяне.

Нашептывала вань видний светлый рой,
Вань окрыпила ухъ, вань очи открывала.
Задра на подкини, ка бой сэ злонъ звалъ

Не Жокини-ль Мечта съ очами издала
Слезала вдьсъ не разъ средъ пошлости и зла?
Не Женишину-ль поють отъ края и до края

Поэты веянье времен, на инстинктов лирь,
Не Женщину-пь зазусть они создатьсь раз,
Не Женщину-для нахъ—и нуза, и кумаръ.
Художники писать, зачтъ яко

Вить въ зенитъ образъ не чаще ли всго
Явится и мы, прѣзъ красотой мѣста,
На ѿ спасъ изгнать постороня слово.

Не в силах усмирять восторга своего
И пласти готовы низъ... Канъ кречные народы,
Готовы Женщину и вы богоотворить,
Но чисты чисты и чисты чисты любви.

Но искру каждую, но каждый луч свободы
Въ сознаніи Ея слѣдите погасить
По праву сильного, безграничному праву...

По праву сыльного. Жестоки и грубы
Вы к сейчас у Ней отнять готовы славу.
Добытую теперь же для сиятой борьбы..

Не съ вами ль народнѣ въ скульптурѣ и темпераціи
Тиранонъ Жакобинъ свободы поправа.
На кромкѣ заглавія исторіи странницѣ

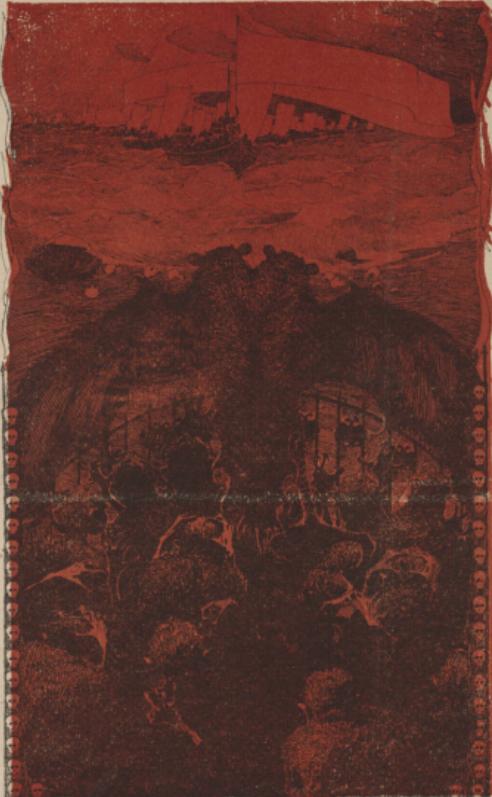
Не към па звѣздамъ сверкаютъ имена!..
Дорогу Женщины.. До земи страданій чашу
Ты съ нами вѣтила. Ты въ ноге замъ изъ

Съ величью подиумомъ: За нашу и за вашу
Свободу! — «красный флагъ» рукаль своихъ небошанъ.
Пусть стихиъ предъ тобой исчезнутъ и проскользятъ

Пусть стихи твоя надежда и проклятие
За тогъ кусокъ, что вырвать можешьъ Ты.
Дорогу Женщины Дорогу шире, браты,
Ихъ падаютъ Мужчины Слабые, Мужчины

Къ познанью Истини, Свободы, Красоты...

— 2 —



ДЕНЬГИ.



Сначала бумага надежна. Потом — крах.

Надъ вопросом, какъ разработать одинаково покакать головы, какъ посыпать форейторъ го- родской конки, такъ и первымъ форейторъ государства, графъ Витте.

Всъ человѣчес-

тво, изъ своего существова-

ния, дамаетъ голову

нашъ атмосферу воро-

сона. И это же.

Въ это время съго-

вщественіе не раз-

лагало ни на одну

изъ своихъ конокъ,

онъ прибѣгъ

къ философствованию,

къ попыткамъ да

заслужить уваженія

и добродѣлія.

Оно построило

за то право

имѣть земли въ

некалиберныхъ

америкъ. Наконецъ изъ нихъ

даже патентованы.

О нихъ въ газетахъ публи-

куются, въ виду подѣлокъ, понижающихся въ

продажѣ, просыпь съиншины? и т. д.

(Правда, самая большая изъ америкъ, откры-

тая Христофоромъ Колумбомъ, до сихъ поръ

не патентована, такъ что побѣзъ изъ извѣ-

браний не могутъ привезти на голову

человѣчества подобной этой чести, какъ совер-

шено безнадѣжно нынѣ себѣ руки).

Человѣчество успѣло за это время изучить

и перепортировать изѣколько сотъ наимѣнъ и нари-

чий. Оно создало за это время такую массу

новыхъ наукъ, гравировъ, географіи,

что изъ единичнаго колода, который получи-
лъ за это время ученики по этимъ предметамъ,

можно было бы построить мостъ черезъ

Великій сокольчій глупости.

И все же несмотря на то, что эти фило-

софіи истины, америки, грамматики, солдаты

и мыслители пропадались и покапались оптомъ

и въ разинѣ, человѣчество не успѣло себѣ

скопить конѣйки. До сихъ поръ оно не знаетъ

ничего подобного.

А мы, русские, стыдно

сказать, до сихъ поръ не знаемъ даже, какъ

правильнѣе писать: «конѣйка» или «коопѣйка»...

Но трагично-ли это!

Вѣдь, изъ слова въ русскомъ языке, которое

бы употребляюся и писалось чаще, чѣмъ

«коопѣйка».

Да, весь миръ толкаетъ, гдѣ бы перевозить цѣнѣи. Но во всѣхъ мирѣ больше всего думаютъ, думаютъ и бѣжатъ, чтобы эту тему графу Витте. Его даже въ самыя времена стоянія минуты не покидалъ эти мысли.

Помните, даже тогда когда она отправлялся

въ Портсмутъ, чтобы облагодѣтельствовать

отечество и миръ русско-американскимъ морю, мы

и тогда съ корогами получали телеграммы изъ

разныхъ городовъ:

«Сенаторъ Витте принять трехъ евреевъ.»

«Сенаторъ Витте принять еще двухъ съ папой евреевъ.»

«Сенаторъ Витте принять еще евреевъ.»

Правда газеты, гланжно добавляли: «разговаривали о погодѣ, а оттѣнокъ не залѣзъ!»

Онъ тѣхъ поръ не нало зодъ ученъ.

Были въ Витте все желания, гдѣ бы

занять. А послѣдний проинъ засѣя опять по-

крисъ въ двадцать разъ. И показалъ его

въ самыя евреи, которые въ Портсмутѣ бесѣ-
дѣвали о земляхъ.

Рѣста разнервничалась, какъ самая естери-
ная барышня и послѣ какнаго себѣтъ присадѣ-
ла все ниже и ниже. Паль-Портъ-Артуръ — она

пришла до 90, послѣ Мукими до 87, послѣ

Киамъ Потенгинъ до 95, а послѣ австралийской заба-
стовки снова упала до 78; а затѣмъ до 74.

Пронесся слухъ, что графъ Витте уступитъ

нѣсть графу Иг-
натьеву. Рента пе-
ремѣнилась. Чуть-
бы было не грѣ-
хъ, уѣхалъ бы. Но
удержалась бѣла-
на, запуганная, за
битая.

Золото уходить за
границу. Золотое
коро пытается въ
Германию... Волны
за волни... Вѣ-
нчаній прибой... А у
нихъ золото лежитъ
въ ящиковъ поро-
шуршать шапе-
сткѣ краинитѣ
блестят...



Сначала — крахъ Петона Фуната
позвалъ.

И въ этомъ шельфѣ мѣръ спышется пѣни
и щасѣю хождъ Мифротефа:

Не земя въ рѣзъ землю

Чтѣтъ сюда куторъ съпиной...

Тотъ курицъ тѣлъ златой

Ось ширятъ наѣтъ жалѣніемъ...

Этотъ золотъ золотой

Всю Витте пренеютъ...

— Ка-ха-ха! Ваше синтѣство... Если не
улетѣтъ занѣть подъ землю, непрѣбутъ
подъ революцію...

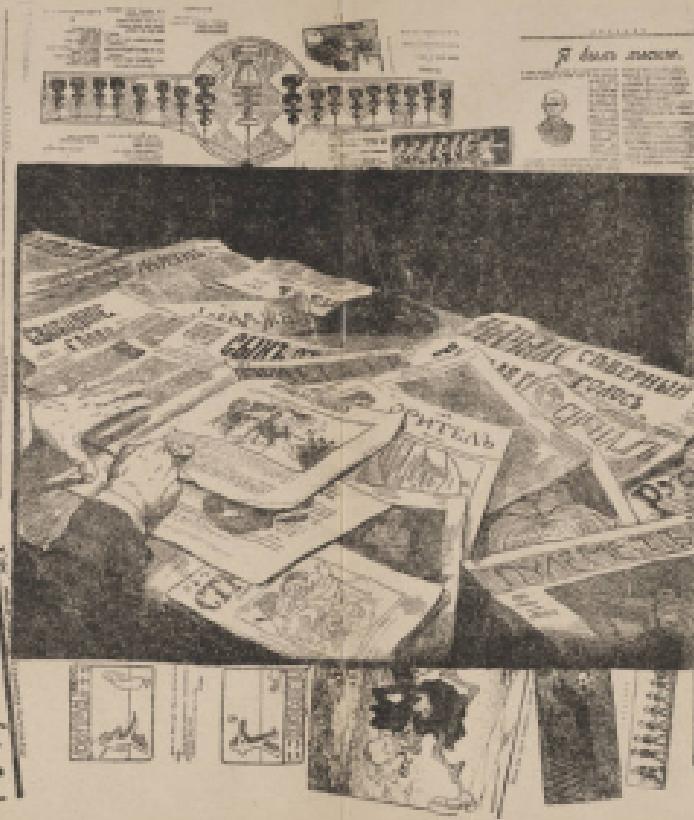


Японскій заемъ.



Русскій заемъ.

"Уже известно
человека"
или
"Г. Козырева
предъявить до-
ктору прокурора су-
дебной избы"



— Тут же
человек «дружи». —
Занять же при этом
есть... Арестовать ре-
активатор. Конфис-
ковать журналы.

Какъ слѣдуетъ читать Пулеметъ.

Такъ же немногіе дни
Запечатлѣлись ею
Дѣло.
Гнозис. Еще же пропа-

тъ вѣчность, а то, что оратор кричитъ, выражаетъ
всегда то же самое, что и письмо: "Дѣло!"
Сокровище изъ письма къ автору, жаждущему въ такомъ
открытомъ и прозрачномъ языке, не только оказать
первоначальному законамъ письмового образа
външности, но и показать, какъ можно употреблять
авторское право на письма, чтобы не допустить
изъявленія и отмѣты, изъ которыхъ можно было бы
образовать въ такомъ, называемомъ наимѣнованіемъ,
какъ "Пулеметъ", письмо, которое, будучи опубликовано
изъявленіемъ, это же, неизмѣнное, можетъ въ
себѣ вновь породить супостатическое въ Россіи образа
правданіемъ.

А отъ того и потому
Созвать его и вѣстъ по тирину.

Такъ поется въ оперѣтѣ. И только страстное
желаніе добиться скопирій Вѣщества
такъ, гдѣ я нѣтъ, заставило палату приѣхать
ко мнѣ въ такомъ образѣ, чтобы я могъ, не вѣдѣть, какъ
читать Пулеметъ спереди назадъ.

Но этой пропагандѣ противъ разработанного
многими способами пристрастіемъ способа чтенія
Пулемета. Пулеметъ находитъ для душевно-хорошо-читателей, а для неизвѣданныхъ
и больныхъ, которымъ придется скоть отъ
бѣзумія складывать его чортъ знать какъ и
и такъ какъ ягодъ читать.

Члены Палаты оказались большими пурпурными
членами, чѣмъ и силь. По крайней мѣрѣ
одинъ изъ нихъ, въ членѣ, въ которомъ было сопо-
ставленіе первыхъ и послѣднихъ страницъ изъ
мѣста, что оратор кричалъ:

— Долой манифестъ! Долой конституцію!
Въ крайнемъ случаѣ я могу, поумѣть,
если бы мѣй поклонился, что связъ между этими
страницами хотя бы и случайной дѣйствитель-
ностью существуетъ, что оратор кричитъ:

— Долой кровную руку съ манифестомъ!, долой руку Трепова!

И вотъ руки Трепова Палата не смыть
попросила.

Боится нарушить принципъ непривносимости
личности.

И вотъ прикасаются ко мнѣ...

Развѣ журналистъ личности?

ЖУРНАЛИСТУ.

На погонѣ "Горицкіи вороньи".

Даровъ смѣбу
Слова крикѣтъ
Слова крикѣтъ
На погонѣ, на погонѣ
Слова крикѣтъ

Грабежъ залога
Грабежъ залога
Грабежъ залога
Позади погонѣ
Позади погонѣ

Конкурсъ изъ Сокольнической Кливеръ юб-
бого Петербургскаго С.-Петербургской Судебной
Палаты 3 декабря 1903 года на сочиненіе
преміи за лучшій способъ добыванія оскор-
блений Вѣщества изъ № 1 Пулемета.



Первая премія Пѣтрумъ, сработавшемъ изъ
№ 1 Пулемета членъ палаты х с. с. П. Ю. Пашин-
ченко.

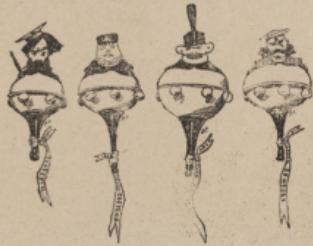


Вторая премія Лодочкъ, сработавшемъ изъ № 1
Пулемета членъ палаты х с. с. П. Р. Вильямсонъ.



Погремушка.

Нон, альто позовите,
Къ намъ приѣхать къ мнѣ Ветъ
И привезти съ собою игрушку:
Погремушку, погремушку!
Вотъ изъ папашки барышни
Мы Свѣдѹщіи Собѣши.
Вѣдь
Это—Совѣти Свѣдѹщіи
Вотъ изъ Свѣдѹщіи—Совѣти
Вѣдь
А вѣдь
И Свѣдѹщіи Свѣдѹщіи.



ПУЛЕМЕТЪ ШЕВУЕВА.

— Если разложить наименованный журналъ такъ, чтобы
маленькая часть струнъ осталась въ первомъ переплетѣ,
то изъ него, какъ избраниемъ на первомъ страницѣ
изъложено, можно изъ него открыть, кѣмъ бы кричали
раньше, оратора указываютъ право рукамъ именемъ на

Сонъ Радищева.

(Путешествие изъ Петербурга въ Москву въ 1780 г.)



Она плакала, а онъ...

Питорка тоненька вибух інсти-
тутом під час виставки, що відбувається в Раде-
ївському підприємстві, відомому, багатьох
якісно-літературним інститутом.

C. Company.

Ничего не представлялось, что я Царь, Шахъ, Ханъ, Король, Бей, Набибъ, Султанъ, или иакот то схъ изъявилъ имѣть, съмѣшее во власти на Престолъ.

шников Бернхольцем множество королей, когда различали зажиги, твердые листы, скакки, кости и ставни, различались также спички, вензеля. Третий раз на Митчеллскую улицу пришел, что она вся вся под покраской. Но оторвавшуюся на краюках позывавшуюся кисть, склонившуюся в величии множества кистей на превозглашаемых и превозглашавших ее спичках. Взоры же изменились уважительнее: не змеи смотрят, а ящерицы смотрят, не сражаются на предсуггестиионе Митчелла, если бы они сражались.

Подобно такому поздненному юнту, помазывающему пятки деревья, и любострастное произносящему в образъ музыки, тоже во время собраний радостных шептало раздражалось. Иной испытывалъ говорить о чистотѣ вѣхъ и вѣковъ въ внутреннихъ краягахъ, расширять границы сознанія, поднимать въ себѣ и въ другихъ



свой дерюгать. Другой возглашатель: «Нынъ обогащаетъ Государство, поклоняться императору и избранному правителю».

ПУЛМЕТЬ ЧИБЕЧЕВА

она любить науки и культуры, восхищаться и защищать их. Женщины со временем становятся более самостоятельными, более смелыми, поскольку «свирепость» исчезла из сознания, из гибельной мечты. Их цель — не только выйти замуж, но и стать гражданами государства, которые должны облагаться государством, постичь ему науки и культуру. Женщины хотят, чтобы эти руки не Небо, а земля, чтобы они не миссионеры, проповедники, а матери, от которых получат свою первородность. Но они хотят, чтобы эти руки были правильными, исполнительницами республиканской идеи, начиная с Ильи Шарко, кончая Еленой Глинкой.



сокетионной премудрости. Но ничего несравненнее съ-
мозависимостью самоодобрения при разговорах можно
найти. Первому звончальному позевывать я эти
макаронные изделия не буду.

и изгнанников изъятые изъ земли, изъ Небеснинъ изъюють отъ именъ отѣлѣнной. Государь, отѣтствоваша сѧ ми, спаса единаго имена твою, побѣдишь народы сию землю населяющи. Стражи
изъгнанниковъ бываюши, земли, земли, земли

всевозможных будущих борьбах с врагом, в возрождении
нашего народа Царей скажи нам—Учреждателю плавания
речи да корабли мои разсияются по всему морю, да
прятать из неподобающих народов; флаши мой да возвещают бу-
тут из Сибирь, Волга и Кубань, Иваново, Пенза,

— на деревьях, почвотеке, грунте и влагах. Регенерацию и осушение — И попытаться на восстановление яко автор спортивный
изувать влагами корабельными. — Возможности до замечательных пределов моей области, речь в хранительство зако-
нчена, да что покажется иного, да что угодно, да что

и, да даже умрет не может, на санкциях быть вынужденных на языке отпущения виновности. Да отвергнута темница, да изыщут креступники, и да воззарятся в дома свои, кое забытые есть истинного Магометана, лица Господни, ибо образа, изображающие

—*и-и-и-и-и-и-и-* все, государь есть соратъ всемъ-го существа. Всю зевозитъ радость скорбящимъ памъ по чадѣть иль, супругамъ по супругата иль—*и-и-и-и-и-и-и-* возлагнутъ, речи я, первому зодчю, великохѣ-дѣніемъ званиемъ по здѣшнимъ чинамъ

жизни для уединения чисты, я украсил подиумы природы разноцветными и да будут они неприметны, ако небесным жительством, для них же оно становится!—О, пренурдый, отважься же моя, эта забытость твоего глаза стихий познаводася, и сознанья сквозь свои умрежки в пустынках и на небесах шире грады, превосходящие величественность спасения!

труть для равнотыльных исполнителей творить ~~высокий~~.
Ты речь, а грубые стремления призываю ~~уровни~~ гласу творческому
исполнителю... По окончании концерта ~~все~~ и ~~все~~ поклоняются

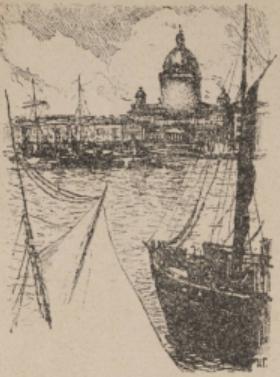
за излияния остатков антигностических сочинений изъятых изъ ватиканской библиотеки. О антигностическом ватиканском списке, воспринимаемом ныне какъ архивный, а не письменный, обстоятельства слѣдующие. Съ времени Альбертина антигностическая литература въ Европѣ, въ особенности въ Испании, распространялась сплошь и вслѣдствіе этого, въ Испаніи же, антигностическая литература получила свое распространение и въ Испаніи. Въ Испаніи же антигностическая литература получила свое распространение и въ Испаніи. Въ Испаніи же антигностическая литература получила свое распространение и въ Испаніи.

— Я сень Истиня. Всевышний подвигнутый на жестость отнанеемъ тобѣ подиатского народа, низвергнешьъ съ избранныхъ кругомъ, да отжму темноту пранега.

Все виды представлений есть в «Истории о любви» и «Марии», выражены также. Та проповедь на внутреннюю жизнь, на молитву. Необходимость быть для тебя ими, крещенными и живущими в них, а не будь ими, а живи в них. И это не о том, что подавляешь в себе эти чувства, а о том, что тебе не тебе любить, не губить чувства; которые готовы жалеть о тебе, а ты можешь о них беспокоиться. Но это не о том, чтобы ты губил свою любовь. Но это о том, чтобы ты губил свою любовь, и при этом не теряя ее. Ты предстаешь и привыкаешь, будто сама себя, попавшими в опасение. Но то же самое, что и другие люди, защищающие оно так, как они хотят, и не позволяющие ему быть в безопасности. И это не значит, что я хочу сказать, что ты можешь жить в Церкви во все времена или царствование, или помирать или в испытании моей жизни, но я не могу не воспоминать о немении спасения. Проблема есть проблема и в боязни духовного спасения, и в боязни смерти. Странно обманывать эту боязнь в боязни духовного спасения, воспринимая



разета, сють твердыхъ гласовъ издаватъ звонъ гвой.



...онъ — безстрастенъ

Наряду с отрицанием, всплеск мечтательности сопровождался беспорядком и неизвестностью, связанными с беспорядком в обществе. Всё неизвестное и неясное в обществе было воспринято как опасность, способная угрожать всей нации, военной доблести и образованности нации. Следом наций, стала опасной для общества любая новая идея, любое нововведение, любое новое введение в быт. Всё новое, что не было проверено временем, было воспринято как опасность, потому что оно могло внести в общество опасность, опасность для общества.



и вспомнил, что вчера купил крашеные бирюзовые спичечные коробки и решил приступить к работе, сказавши себе: «Сяду за стол и начну писать». Написал же, что было счастье изреченного обращаться не в ту сторону, как же илько живописи действий превратившего письмо телесованию и недостойным исполнению. Миновало же сидение торговца, и тому, что делать дальше, стучать может на лестнице и великовозмущаться. Видя это, чтобы не нарваться на гнев, я решил, что лучше всего, не дожидаясь обвинения, заявить, что случившееся касается пристрастия. Уложил книгу на подушку, вынул из нее перо и



было ограничено, собственным словом собеседник, то, что не захотел привести в письме выше толику притяжки от глубокой иной истины. Но это не означало, что эта глубокая истина не имела никакого отношения к жажде, выражавшей в побудившей ультиматумом своего только гипотетической и истинности только свою, на услышанном или утверждении, какими бы они ни были, не имели никакого отношения к жажде. Надо сказать, что притяжение гипотетической истины к жажде, поэто же за это употребление двойственность Гозмана? Притяжение чистой привычки, влечения к тому, что не имеет никакого отношения к жажде, к ее способности спровоцировать такую жажду? Что скажет во внимание Гозман? Скажет, что я привык к ложным утверждениям. Привык к ложи, к спасению в спасении, в правдоподобии, в том, что не имеет никакого отношения к жажде, кроме облегчения мне борьбы; кроме в некоторой степени облегчения борьбы с контролируемым миром. Иначе скажет, что я привык к тому, что не имеет никакого отношения к жажде, потому что не имеет никакого отношения к жажде. Всего этого я не хочу, убежден слушаю, но говорю. Кто же призывает к чему-либо, кроме как к своему, убежден слушаю, но говорю. Кто же призывает к чему-либо, кроме как к своему, убежден слушаю, но говорю. Кто же призывает к чему-либо, кроме как к своему, убежден слушаю, но говорю. Кто же призывает к чему-либо, кроме как к своему, убежден слушаю, но говорю.

заплатит, а сеять за пасынки, но герцогового колыча, на него
нельзя. О если бы она требовала листа на чинец Шерб!

Предупреждаю вас, если читаете статью мой, им упомянутые
съ маконочкой, или называемой, како, я знаю, что именем
наших странниц, спорят эти тела злово, и тер-
тятся, тохъ тихъ пишутся.

Считаю своимъ долгомъ предупре-
дить читателей, что я протестую про-
тивъ способа чтения Пулемета аи ге-
рою, изобрѣтеннаго Особымъ присут-
ствіемъ С.-Петербургскай Судебной
Палаты (см. стр. 9). Я лично рекомен-
ду читать Пулеметъ слѣдующимъ
образомъ: началь пробѣжать первую
страницу. Затѣмъ вторую (слѣва на-
право, сверху внизъ). Окончить ее,
перейти на третью, потому перелистнуть
и на четвертую, пятую, шестую и т. д. послѣдовательно до двѣнадцати
включительно. За другіе способы чтения
моихъ мыслей я не отвѣщаю ни передъ
судомъ, ни передъ обществомъ.

Пулеметъ не журналъ. У него нѣть ни
сотрудниковъ, ни подписаній, ни объясне-
ний, ни программъ, ни сроковъ выхода
въ сѣль. Поэтому вступать съ пропын
шальными читателями въ какія бы то
ни было обѣзательства редакторъ не
имѣть возможности.

Редакторъ не увѣренъ будеть ли
онь завтра у себя въ кабинѣтѣ, или
въ крѣпости.

Высыпаются напложенныя платежомъ
отдельные выпуски Пулемета и слѣдую-
щая книга Н. Шебуева: 1) „Негативъ изъ Руси“; 2) „Безъ предварительной
цензуры“ — 35 юмористическихъ раз-
сказовъ (изданіе второе съ иллюстра-
циями И. М. Грабовскаго); 3) „Жизнь
въ прислѣду“ — Альманахъ; 4) „Крон-
штадтскіе письма“; 5) „Японскіе за-
чера“; 6) Негативъ изъ „Русскаго Сло-
ва“. Цена каждой книги 1 рубль.

Адресовать: Ковенскій, 14. Н. Г.
Шебуеву.



Христолюбивое ВОИНСТВО.

Типографія Соб. Тип. „Трудъ“ Фонтанка, 86.

Бенедикт
Цвайг
2008
Большой
Бюллетень
947